

И. Г. СПАССКИЙ

ЧЕКАНКА КОПЕЕК
ШВЕДСКИМИ ВЛАСТЯМИ В НОВГОРОДЕ
В 1611—1617 гг.

В 1946 г., когда пумизматические коллекции Эрмитажа еще лежали в вернувшихся из эвакуации ящиках, А. П. Окладников предложил мне заняться разборкой и описанием собранных Таймырской археологической экспедицией нескольких тысяч копеек и денег XVI и XVII вв. для готовившейся публикации ее материалов. Монеты имели существенное значение для точности датировки всего археологического комплекса.¹

Копейка вышла в денежное обращение Русского государства в 1534 г., в самое короткое время полностью заменив запрещенные прежние монеты. Ее чеканка производилась по новой, трехрублевой стопе² и началась почти одновременно в Новгороде, Москве и Пскове. Периодически в обращение вливались также фракции копейки — денга ($\frac{1}{2}$ копейки) и полущка ($\frac{1}{4}$ копейки), но основным, наиболее массовым номиналом всегда оставалась копейка. Вновь и вновь выпускавшиеся монеты неизменно сохраняли первоначальный вес до начала XVII в.; по мере смены правителей нарастало число разновидностей очень однообразной монеты, и ко времени польско-шведской интервенции начала XVII в., приведшей к уменьшению содержания серебра в монете, фонд обращения составляла огромная масса разновидностей копеек с именами всех правителей, начиная с Ивана IV. Любой крупный клад, относящийся к концу возникшего в 1534 г. цикла обращения, фактически представляет собою полную «коллекцию» почти за столетие.

К 1620 г. завершилось обновление состава монеты в обращении, и «фундамент» нового цикла образуют уже монеты царствования Михаила Федоровича и некоторые другие, а старые, более тяжелые монеты в обращении XVII в. встречались лишь как случайно уцелевшая примесь.

Копейки XVI—XVII вв. с неизменным изображением всадника на одной стороне и скупой легендой на другой очень долго считались «неинтересными», совершенно бесперспективным для исследования материалом и были изучены очень поверхностно. За исключением части монет Новгородского денежного двора, который лишь с 1596 по 1610 г. проставлял на штемпелях даты их

¹ И. Г. Спасский. Денежная казна. Сб. «Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века», Л.—М., 1951.

² Понятие «стопа» выражает сумму монет, выделяемых из определенной весовой единицы металла. Здесь и далее имеется в виду гривенка серебра, около 204 г.

изготовления, все остальные не имеют обозначения года, а иной раз и места чеканки и определяются только по имеющемуся на них имени правителя. Постоянно открывающиеся клады этих монет меньше всего интересовали исследователей. Не была использована даже такая простейшая и совершенно очевидная возможность уточнения систематизации сотен разновидностей копеек, как сравнительное изучение состава кладов, т. е. учет нарастания разновидностей монет последнего из представленных в кладе правителей.

Казна русских мореходов, потерпевших аварию у восточного побережья Таймырского полуострова, сложилась несомненно на русском Севере, в Поморье и не позднее 1614—1615 гг. Первую «отметку» для ее датировки давало полное отсутствие в ней копеек Михаила Федоровича новгородской чеканки, которая началась только в 1617 г. В то же время из сменившихся за 32 года его царствования трех десятков московских штемпелей с изображением царя-всадника представлено только 2, а из чуть ли не сотни оборотных — только 5. Дальше второго-третьего года царствования идти в датировке не приходилось.

В работе над монетами с Таймыра наметилась особая методика, которую можно определить как анализ технологических данных монет. Сущность ее такова: монету создают два орудия — формирующие обе ее плоскости штемпели. По разным причинам (изношенность, смена правления, т. е. необходимость обновить именно штемпель) они заменялись, как правило, одновременно, поодиночке. Благодаря этому возникает возможность проследить динамику производственного процесса. Через монеты, рассматриваемые как «слепки» штемпелей, устанавливаются внутренние связи, возникающие в ходе этого процесса между множеством штемпелей обоих видов. При этом могут открываться и связи между производством разных денежных дворов, когда, например, отдельные штемпели для Пскова вырезывались в Москве или Новгороде и предварительно опробовались в местной чеканке.

В результате, когда после такой подготовки возвращаешься к монетам как объекту исследования, они оказываются гораздо более красноречивыми и возникает возможность датировать их сперва относительно друг друга («старше», «моложе», «близко», «далеко» и т. п.), а затем, отталкиваясь от хронологии бесспорных фактов и от связей с редкими датированными монетами (штемпелями), устанавливать достаточно обоснованно годы чеканки для массы недатированных монет. Но это еще не все: очень важно, что в сочетании с метрологическим исследованием и со сравнительным изучением состава кладов эта методика в ряде случаев «обличает» монеты, легенды которых не соответствуют времени их выпуска. Именно так в группе давно известных копеек с именем Федора Ивановича, штемпели которых не имеют никаких связей с другими штемпелями его царствования, но прочно увязываются

с производством первых лет чеканки Михаила, были опознаны ранее никому не известные монеты Ярославского ополчения.³

Собранные на Таймыре монеты, подобно любому кладу, сохранившему сведения о месте находки, представляют собою как бы «пробу», взятую из местного денежного обращения в тот день, когда прекратилось пополнение новыми монетами этого комплекса: в данном случае, конечно, не для арктических пустынь Таймыра, а для Поморья, откуда ушел к месту своей гибели корабль. Когда сложился этот комплекс монет, уже три или четыре года продолжалась оккупация Новгорода — одного из трех центров русской монетной чеканки; с начала 1611 г. северо-западная часть страны оказалась отрезанной и взаимное проникновение монеты по каналам обращения стало невозможным. Поэтому в изученном комплексе следом за самыми молодыми монетами — московскими копейками Михаила Федоровича 1613—1614 гг. — идут монеты Народного ополчения, выпущенные в Ярославле в 1612—1613 гг., за ними — московские копейки с именем Владислава Жигимонтовича 1610—1612 гг., а последними монетами новгородской чеканки оказываются датированные копейки Василия Шуйского 1610 г.

Сам собою возник вопрос: какой след оставили эти же несколько лет отторжения Северо-Запада в денежном обращении по другую сторону рубежа, пролежавшего через Русскую землю в 1611—1617 гг.? В нумизматической литературе уже давно был поставлен вопрос о роли Шуйского в понижении веса копейки, которое произошло где-то между 1610—1613 гг. Давно было замечено, что в то время как московские и псковские копейки Шуйского не уступают в весе любым монетам, чеканенным после 1534 г. по 3-рублевой стопе, только среди новгородских монет с его именем имеются легковесные: копейки последнего года его чеканки с датой РИИ (1610) известны как полновесные (0.64—0.68 г), так и легкие (весом 0.55—0.58 г), что соответствует стопе в 3.5 или 3.6 руб.; кроме того, очень обильны странные копейки с именем Шуйского, но чеканенные штампом 1605 г. (под коном НРГГ, т. е. Новгород, 213—1605 г.), хорошо известным по чеканке Лжедмитрия в Новгороде. Все они имеют вес 0.47—0.49 г, т. е. чеканены уже по стопе в 4 руб. В 1909—1915 гг. вес монет Шуйского обсуждался в ряде публикаций, но удовлетворительного решения его загадки предложено не было.⁴

Изучение монет с Таймыра все поставило на свое место:

³ И. Г. Спасский. Анализ технических данных в нумизматике. КСИИМК, вып. 39, 1951.

⁴ С. Б. Веселовский. 1) Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1909, стр. 5, 14 и сл.; 2) Понижение веса монеты при царе В. Шуйском. Нумизмат. сборник, т. II, М., 1913; 3) Сопное письмо, т. I, М., 1915, стр. 27 и 405; И. И. Кауфман. Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX в. СПб., 1910, стр. 82—86; С. И. Чижев. О весе копеек царя Василия Шуйского. Нумизмат. сборник, т. II, М., 1913.

очень многочисленные среди них копейки Шуйского, включая и новгородские всех лет чеканки с 1606 по 1610 г., оказались только полновесными, а монет Шуйского со знаком НРГГ не оказалось вовсе. При изучении состава кладов отсутствие в них тех или иных монет может иметь не меньшее значение, чем наличие; в данном случае отсутствие легких монет обоих видов как раз и доказывало, что Шуйский к ухудшению монеты никакого отношения не имел. Следовательно, легенды легковесных монет лгут: эти копейки чеканены старыми штемпелями позже и могли выйти в обращение только после низвержения Шуйского, точнее — в 1611—1617 гг., т. е. во время шведской оккупации Новгорода, поскольку даже копейки Владислава новгородской чеканки, в отличие от московских, имеют нормальный вес 3-рублевой стопы, а тотчас после ухода из Новгорода шведов там началась чеканка копеек Михаила Федоровича с его именем. О том, что шведская администрация производила на Новгородском денежном дворе чеканку легких копеек, скупая у населения для переделки старые копейки «с наддачей», было давно известно благодаря опубликованию К. И. Якубовым хранящихся в Швеции новгородских документов — заверенных служившим у шведов дьяком «Записных книг денежного двора» за годы оккупации.⁵ Они сообщают, что с 1611 по конец 1614 г. денежные мастера Богдан, Нефед и другие выделяли копейки по стопе в 3,6 руб., а с начала 1615 г. им было велено чеканить еще более легкие копейки по знакомой нам стопе в 4 руб.

Удивительно, что никогда, даже во время упомянутого выше обсуждения вопроса о виновниках падения веса копейки, никто и не пытался разгадать, какие же именно копейки выделялись в Новгороде для шведов руками русских денежников в течение почти семи лет. Ведь монеты их работы не могли бесследно исчезнуть, они несомненно должны находиться среди массы копеек в кладах начала XVII в. и в коллекциях. При первом же знакомстве со столь удачным по времени и месту формирования монетным комплексом ответ мог быть только один: это легковесные копейки с именем Шуйского.⁶

В 1948 г. в Эрмитаж доставили из Виницкого района Ленинградской области клад копеек времени Михаила Федоровича, очень богатый, как и следовало ожидать, копейками новгородской чеканки. Изучение его состава в сравнении с составом Таймырской находки подтвердило правильность изложенной выше концепции и помогло уточнить некоторые ее положения,⁷ а после 1952 г., когда полностью были развернуты коллекции Отдела пу-

⁵ К. И. Якубов. Русские рукописи Стокгольмского архива. ЧОИДР, 1890. ч. I, стр. 4—38; ч. IV, стр. 39—78.

⁶ И. Г. Спасский. Классификация русских монет XVI и начала XVII в. Тез. канд. дисс., Л., 1947.

⁷ И. Г. Спасский. Виницкий клад. Из истории денег в России в период польско-шведской интервенции начала XVII в. Изв. Карело-Финского филиала АН СССР, № 2, Петрозаводск, 1951.

мизматики и в изучение были вовлеченыклады Эрмитажного собрания, появилась возможность с гораздо большей обоснованностью вернуться к историко-экономическим проблемам периода интервенции и освободительного движения начала XVII в.⁸

Едва ли случайный характер могло иметь то, что вслед за поляками, которые еще в 1610 г. начали выпуск в Москве копеек Владислава по «облегченной» стопе в 3.6 руб., к ней вскоре же обратились и их соперники по захватническим вожделениям — шведские власти Новгорода. Во время единственного передела,⁹ происходившего с 10 по 15 января 1611 г. при польском наместнике И. М. Салтыкове, копейки в Новгороде чеканились еще по старой стопе. Скорее всего это можно объяснить крайней шаткостью положения Салтыкова. Имея указания из Москвы относительно нового веса монеты, он мог просто не осмелиться их осуществить. Во всяком случае захватившие Новгород 16 июля шведы, начиная свою монетную операцию, то ли из оставшихся после Салтыкова документов, то ли через другие источники информации уже знали о введенной в Москве легковесной и прибыльной стопе.

Восставший в конце января 1611 г. Новгород на время поневоле обрел былую самостоятельность. В течение немногих месяцев до штурма города отрядом Я. Делагарди состоялись два передела серебра (12—20 марта и 14—20 апреля), а третий (13—29 июля) был прерван на ходу и закончился уже при шведах. Сохранившиеся документы показывают, что чеканились копейки старого веса, но какое имя на них стояло, т. е. какими штемпелями их чеканили? Владислав, наместника которого новгородцы только что казнили, совершенно не подходил им, да и новгородские копейки с его именем известны считанные. Хотя шел уже 1611 г., довольно обильная чеканка в этих переделах могла производиться штемпелями Шуйского и скорее всего РИИ — 1610 г. Однако в одном из переделов нашел применение и лицевой штемпель, оставшийся от чеканки Владислава и легко опознаваемый по отсутствию на нем даты: под изображением всадника он помечен только словом Нрд. На Таймыре оказалась одна такая монетка (0.67 г, стало быть, не шведская), успевшая ускользнуть из Новгорода на Восток в считанные недели после чеканки. Самостоятельный Новгород был последним оплотом 3-рублевой стопы, введенной в 1534 г. правительством Елены Глинской.

Если шведы без проволочек ввели монетную стопу в 3.6 руб., то «Записные книги» свидетельствуют, что в Новгороде просмотрели переход поляков к еще более прибыльной 4-рублевой стопе и спохватились только через три года, когда в Москве по ней че-

⁸ И. Г. Спасский. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г. МИА СССР, № 44, М., 1955.

⁹ Передел — длившийся обычно несколько дней цикл работ по переделке в монету партии металла. Старинный термин монетного производства.

канились уже копейки Михаила Федоровича. У поляков она появилась около середины 1612 г. (Сведения о чеканке по стопе в 3.6 руб. имеются в одном деле, охватывающем производство денежного двора по май 1612 г.). Созданный в Ярославле денежный двор Ополчения, начав в 1611 г. со стопы в 3.6 руб., своевременно перешел и на 4-рублевую; уже по его примеру узаконило ее и правительство Михаила Федоровича.

Вводя с началом 1615 г. новую монетную стопу, шведы учитывали, что теперь будет выгодным переделывать вместе с еще оставшимися на руках у населения старыми копейками и их собственную продукцию чеканки 1611—1614 гг. Этим и объясняется замена штемпелей. Именным стал сохранившийся от чеканки Шуйского 1608 г., с легендой, выполненной очень крупными буквами, а датированный штемпель 1605 г., вероятно, привлек внимание как отличной сохранностью (в свое время он использовался совсем недолго), так и очень своеобразным характером изображения, легко отличимого от других. Эти монеты опознаются с первого взгляда.

Изучение соотношений штемпелей монет привело меня еще к одному заключению относительно шведской чеканки в Новгороде: в коллекциях и вкладах встречаются не слишком многочисленные по сравнению с описанными выше копейки того же штемпеля НРГІ, но с именем Михаила Федоровича. Использование для чеканки монет законного государя в только что освобожденной его «отчине» Новгороде «шведского», да еще в прошлом и «самозванцева» штемпеля, имеющего чрезвычайно четкую и потому особенно несуразную для любого русского грамотея дату, представлялось мне совершенно невероятным, и я высказал уверенность, что сами шведы незадолго до ухода из Новгорода сочли более уместным чеканить свои поддельные монеты с именем царствующего московского государя. А имея в виду, что они увезли с собою весь архив Денежного двора, я считал, что не могли они бросить и штемпели, которыми столько времени пользовались.

Проверить это уже чисто логическое заключение, прибегнув к изучению соотношений штемпелей всей новгородской чеканки Михаила, я поначалу просто не имел возможности из-за недоступности монетного материала, а к тому же серьезным исследованием монет Михаила Федоровича вскоре занялась А. С. Мельникова на материале Исторического музея; ей и надлежало сказать свое слово о новгородских копейках. Нужно признать, что это было очень нелегкой задачей: во всем XVII в. не найти что-либо равное новгородским копейкам Михаила по поразительной неряшливости исполнения штемпелей и по самой чеканке. Нужно перебирать сотни монет, чтобы составить сколько-нибудь удовлетворительное представление о монетном типе.

А. С. Мельникова вполне обоснованно отвела из шведской новгородской чеканки предположительно отнесенный мною туда еще

один очень редкий тип копеек с непонятным обозначением НРСІ под конем и отвратительно исполненной легендой. Судя по составу кладов, эти явно поддельные монеты, инспирированные последним типом шведской чеканки, в 1615—1617 гг. еще и не существовали. Но гораздо более сложным был и остается вопрос о новгородской чеканке Михаила Федоровича. Исходя из того, что «шведский» именной штемпель Михаила образует еще несколько монетных типов, А. С. Мельникова, не отрицая шведского его происхождения, пришла к выводу, что он остался в Новгороде и сразу же получил применение в чеканке монет Михаила.¹⁰ У меня не было оснований спорить с нею, когда я готовил к изданию брошюру 1961 г., хотя к тому времени обнаружил оказавшийся впоследствии очень обильным новгородский монетный тип Михаила с датированным лицевым штемпелем (РКЕ — 1617).¹¹ Если уж для возобновляемой государственной чеканки можно было изготовить новый лицевой штемпель, то едва ли была нужда в именованном «шведском».

По-видимому, новгородские копейки с именем Михаила Федоровича следует еще раз тщательно пересмотреть с привлечением анализа состава кладов и, может быть, даже сравнением веса как можно большего числа монет разных типов, хотя они и чеканены по одной стопе. К этому должно побудить и недавнее появление нового источника, значение которого трудно переоценить.

Несколько времени назад И. П. Шаскольский указал мне на документ 1618 г., в котором изложена тогдашняя официальная точка зрения на шведскую монетную операцию в Новгороде. Это наставление боярам, назначенным вести «беседы» с возглавлявшимся Г. Стенбуком шведским посольством.

Переговоры следовало начать с напоминания о том, что в мирном договоре, подписанном великим послом князем И. Д. Мезецким «с товарищи» и полномочным послом короля Яковом Делагарди, было подтверждено предварительное соглашение, достигнутое при переговорах 20 ноября 1616 г. в Ладогe «из царского величества отчины из Великого Новагорода и из иных городов, которые царскому величеству отданы и очищены, никаких дел и книг и иного ничего не вывозить и людей силно не выводить. А что после того мирного договору будет вывезено или кому не по договору отдано, и то сыскав, прислати назад в Великий Новгород».

Далее следуют интереснейшие сведения, которыми располагало тогда правительство относительно эвакуации шведов из Нов-

¹⁰ А. С. Мельникова. 1) Русско-датские монеты XVII века в собрании Государственного Исторического музея. Ежегодник ГИМ, М., 1960; 2) Систематизация монет Михаила Федоровича. Археограф. ежегодник за 1958 г., М., 1960.

¹¹ И. Г. Спасский. Денежное хозяйство Русского государства в XVI и XVII вв. Обобщающий доклад по работам, представленным в качестве диссертации на соиск. ученой степени докт. истор. наук, Л., 1961.

города: «И ныне ведомо великому государю нашему его царскому величеству учинилось, что после того мирного договору свейские державцы, которые были в Великом Новгороде, вывезли ис царского величества отчины из Великого Новгорода ноугороцкого государства печать, да из денежного двора чеканы, которые деланы были блаженные памяти при царе и великом князе Василье Ивановиче всея Руси. И денежных мастеров Нефедка с товарищи взяли с собою и свезли в Свею силно и ныне в Свее денги чеканят, переделав те старые чеканы на великого государя нашего его царского величества имя. И то учинено через мирной договор неведомо коими обычаи, кабы на роздор, а не соединенье, чего искони не бывало, что государю вашему денги чеканить в своем государстве великого государя нашего, царского величества именем, мимо своего королевского имени». Затем предлагалось требовать, чтобы «ноугороцкого государства печать и денежные чеканы и денежных мастеров и иные дела, что будет после договору из Великого Новгорода и из иных городов вывезено, сыскав велеть прислать назад».¹²

Если можно еще относиться с осторожностью к точности информации о чеканке копеек с именем Михаила в 1618 г. в Швеции, то освобожденный Новгород был у всех перед глазами и там недосчитывались не только вещей — печати, денежных штемпелей, не говоря уже об архивах, но даже и живых людей — известных по «Записным книгам» Нефедки «с товарищи». Судя по тому что «Делагардиевский архив» так и остался в Швеции, можно сомневаться, были ли выполнены и изложенные выше требования.

Этот документ на редкость удачно подтверждает то, что до его находки приоткрылось в основном через изучение самих монет, поскольку опубликованные лишь в кратких выдержках «Записные книги» на многие вопросы пока что ответа не дали. Содержит он в себе и кое-что весьма существенное для понимания еще одного документа, к которому читатель придет далее.

Уже первые мои публикации, излагавшие отмеченные выше особенности денежного обращения периода интервенции, заинтересовали исследователей, хорошо знающих русский монетный материал XVI—XVII вв., и были положительно оценены ими. Приобрела моя точка зрения убежденного сторонника и среди шведских нумизматов в лице доктора Э. Г. Берггрена (г. Йенкепинг), который выступил в ее защиту, когда она получила крайне нелестную оценку в печати со стороны д-ра Э. Натхорст-Бесса. Доктор Берггрен опубликовал замечания по поводу рецензии д-ра Натхорста на несколько моих работ¹³ еще до того,

¹² ЦГАДА, ф. 96 (Сношения России с Швецией), 1618 г., д. 3, л. 132—133.

¹³ E. Nathorst-Böös. Nyare östeuropeisk litteratur. Nordisk Numismatisk Unions Medlemsblad, 1964, N 8, p. 116 сл.; E. B—n. Nagra kommentarer till recensionen av I. G. Spasskijs arbeten. NNUM, 1965, N 2, p. 27—29.

как последний высказался о моих занятиях шведскими делами в Новгороде.

Свое отношение к моей постановке вопроса о новгородской чеканке д-р Берггрен высказал сначала в примечании к одной своей публикации.¹⁴ В рецензии на нее д-р Натхорст-Бесс все внимание уделит именно этому примечанию: «Автор, между прочим, сообщает сведения, исходящие от русского ученого И. Г. Спасского о том, что шведы в 1611—1612 гг. (так, — *И. С.*) в Новгороде чеканили монеты частично русскими штемпелями, а частично изготовленными ими самими и меньшего веса, чем законные монеты. Эти сведения не новы: Спасский много раз повторял их в частной переписке и докладах, но упорно, несмотря на требования, избегал давать какие-нибудь доказательства этому, что и следует отметить теперь, когда читаешь эту статью, которая лишь цитирует Спасского, полагаясь на его авторитет. Пока Спасский не сообщил какого-либо источника, представляется более чем сомнительным, можно ли принимать на веру эти сведения».¹⁵

Читателю, обратившему внимание на даты названных выше в примечаниях разновременных публикаций, где неизменно упоминались находящиеся в Швеции «Записные книги денежного двора», следует еще знать, что лет за десять до появления этой рецензии ее автору (по его же предложению) была послана написанная в расчете на публикацию в шведском нумизматическом журнале статья о шведской чеканке в Новгороде, разумеется же, с указанием источников, но она напечатана не была.

Ответом д-ра Берггрена на эту рецензию была его статья «Шведская чеканка в Новгороде в „Смутное время“». Лично ознакомившись с «Записными книгами», он изложил для шведских читателей-нумизматов ход монетной операции 1611—1617 гг. в Новгороде; аналогичного содержания его статья была помещена и в издающейся в Иенкепинге газете.¹⁶ Д-ру Берггрену я обязан знакомством с еще одним, на этот раз уже чисто шведским источником, несколько лет назад отыскавшимся в Государственном архиве Швеции. Вместе с московской инструкцией 1618 г. он подтверждает многое из того, о чем говорилось выше, и при этом открывает и некоторые новые аспекты, делающие очень желательным более широкое изучение «Записных книг», чем это сделано в труде К. И. Якубова.

Только в связи с тем, что в моем распоряжении оказались новые источники, я и позволил себе кратко пересказать то, о чем уже писал в разное время.

¹⁴ E. G. Berggren. 1) Något om ryska kopparmyntningen. Samlarjournalen (Skövde), 1964, N 5—6; 2) Den ryska kopparmyntningen. En kortfattad översikt av E. G. Berggren. Skövde, O. J.

¹⁵ E. N.-B. E. G. Berggren. Något om den kopparmyntningen... NNUM, 1965, N 5, p. 97.

¹⁶ E. G. Berggren. 1) Den svenska myntningen i Novgorod under «Oredans tid». NNUM, Maj 1967; 2) En svensk falskmyntningen i forskadagars Ryssland. Smålands Allerhanda and Jönköpings-Posten, 25, 26 IV 1967.

Оба шведских документа — посланные 28 и 29 июля 1615 г. из шведского военного лагеря, раскинувшегося у стен Пскова во время его безуспешной осады, письма короля Густава Адольфа. Оба касаются интересующего нас вопроса, а второе посвящено ему целиком. Письмо от 28 июля адресовано графу Я. Делагарди в Новгород и очень коротко, король требует скорейшей присылки подкреплений и приписывает: «Мы также желаем получить с нарочным несколько недавно чеканенных московских копеек, которые мы хотим послать в Швецию как образцы».¹⁷

Отправленное на следующий день письмо объясняет, зачем понадобились московские копейки последней чеканки. Оно адресовано till Skattmestern och Contor Radher, т. е. руководителю Государственного казначейства. Излагаемый в письме план — как найти средства для содержания оккупационных войск в самой оккупированной стране — чрезвычайно увлекал Густава Адольфа, и он не особенно следил за формой изложения, перебивая самого себя новыми и новыми доводами и повторами. «Здесь в России производятся большие затраты денег на содержание войск, и вы сами знаете, как нелегко добывать их из Швеции. Поэтому мы считаем, что средства для содержания войск без особо крупных затрат денег из Швеции должны найтись здесь в стране».

Источник таких средств король видит в монетах, «которые чеканятся в виде новых копеек», т. е. в выпуске копеек по 4-рублевой стопе, начатом в 1615 г. Уверенный в успехе, Густав Адольф доказывал, что если предлагаемая им операция будет обеспечена требуемыми средствами и получит задуманный размах, то «не только можно будет вернуть вложенную сумму, но сверх того будет порядочная помощь для содержания войск. Это дело и эти предложения настолько мудры, что никакой ошибки быть не может: располагая хорошими риксдалерами, мы можем с замечательной выгодой покрыть все затраты этими же копейками, если они будут так же хороши или даже лучше тех, которые чеканят теперь в Москве. И они могут ходить не только по всей России наравне с другими, но пойдут и в Польшу и в Литву, в Данциг и в Ригу и в другие приморские города, где они идут по 42 копейки за риксдалер. И по нашему мнению, указанные доход и выгода от этих монет последуют безусловно. Для этого препровождаем образцы копеек обоих видов — сделанных в Новгороде и на монетных дворах города Москвы... чтобы исследовал наш пробирный мастер и знаток. Мы должны знать, что нам делать, и нужно изыскать какие-то средства для содержания наших солдат здесь в стране, чтобы они не покидали ее самовольно, а нам не приходилось заново посылать их из Швеции. Поэтому нашим желанием является изготовление этих монет с самым большим усердием».

¹⁷ Государственный архив Швеции. Riksregistraturen, Fol. 622. Приношу благодарность за перевод шведских текстов Ф. Б. Шаргородской.

«И я приказываю вам подрядить в Данциге или в Гамбурге, которые ведут торговлю с Россией, поставку двух или трех бочек золота в виде... риксдалеров (200 или 300 тыс. талеров; «бочка золота» — условное обозначение 100 тыс. талеров, — *И. С.*) в кредит и под проценты, с условием, что доставка будет производиться в Нарву или в Ревель настолько крупными партиями, какие только можно было бы собрать».¹⁸ Король далее называет и нескольких стокгольмских бюргеров, ведущих торговлю с Ригой и Данцигом, которых, по его мнению, тоже можно было бы привлечь к поставкам.

«Если купцы согласятся, они должны быть уверены, что мы уплатим их главную сумму (сумму займа, — *И. С.*) в копейках, хорошей ходячей монете, которая идет теперь в России по 42 за риксдалер... Главную сумму они получают не раньше трех месяцев после того, как произойдет доставка, и четырнадцать или, самое большее, пятнадцать процентов прибыли». Здесь вполне естественно и предупреждение, которое делает король: «И мы не желаем, чтобы купцы и прочие знали что-нибудь; пусть будет скрыто изложенное выше, что это требуется для выделки монеты, а они пусть себе думают, что риксдалеры нужны нам только для платежей по выкупу Эльфсборга¹⁹ или еще для чего-нибудь».

«Важно сразу получить какую-то сумму, а затем уже могут доставляться одна партия за другой так, чтобы монеты могли все время поступать, чем больше, тем лучше. Мы надеемся, что получим то, что просим для ставки, и сможем таким образом содержать во многих местах войска без помощи из Швеции... На все это нужно время, но где еще мы сможем получить такую выгоду?»²⁰

Поляки в Москве имели возможность поместить на чеканившихся для них в Кремле²¹ копейках имя своего претендента; новгородцы, расправившись с королевским наместником, вернулись к чеканке полноценных монет с именем Шуйского, от которого они как от законного государя не отрекались, хоть он и был в плену. Чеканя легковесные копейки с тем же именем, шведы занимались подделкой хорошей старой монеты в уменьшенном весе, а затем дело обернулось для них так, что в 1618 г. бояре имели все основания говорить послу весьма неприятные речи.

План Густава Адольфа был порожден экономическим эффектом «новых копеек», т. е. чеканкой копеек по 4-рублевой стопе. Шведы познакомились с нею в действии только с начала 1615 г.,

¹⁸ Государственный архив Швеции. Riksregistraturen, Fol. 623.

¹⁹ По «вечному миру» 1613 г. с Данией Швеция обязалась выплатить 1 млн талеров за освобождение датчанами крепости Эльфсборг в юго-западной Швеции.

²⁰ Государственный архив Швеции. Riksregistraturen, Fol. 623.

²¹ Местонахождение Московского денежного двора для этого времени точно определяется записками некоего Божка (Богдана) Балыки, киевского мещанина, находившегося с польскими войсками в осажденной Москве (Киевская старина, т. III, 1882, июль, стр. 103—104).

и король мог исходить из полугодового опыта, а вернее, из опыта трех-четырёх переделов: вряд ли их могло быть больше при сложившейся в Новгороде обстановке. Связи края с Западом чуть теплились, талеры почти не поступали, и перерабатывались старые копейки да серебро в изделиях, с которым тесным жестокими поборами владельцам приходилось расставаться. Прибыль от переделки копеек в 1615 г. поднялась с 20% до 30, но было ясно, что этот источник вот-вот иссякнет окончательно. Тогда и родился этот несколько легкомысленный план обратиться к хорошо известной на Западе традиции русского денежного дела и стать тайными производителями и поставщиками копеек на рынки, связанные с Россией; мерещилась уже даже возможность открыть этим копейкам путь на русский внутренний рынок.

Еще недавно стоявшее на копейках имя для временных хозяев Новгородского денежного двора особенного значения не имело: новые задачи меняли дело. Связь между изложенным выше планом короля и появлением на новгородском штемпеле титула и имени Михаила Федоровича довольно ясна, и оно может датироваться второй половиной или даже концом 1615 г. — ведь и сам король предвидел, что «на все это нужно время».

План Густава Адольфа грешил чрезмерным оптимизмом в части ожидаемых благ. Говоря одними и теми же словами о том, что копейки ходят в России, и о том, что они пойдут в Ригу и в Данциг, в Польшу и Литву, он каждый раз называет совершенно разные, несопоставимые вещи. Копейка была единственным платежным средством на внутреннем рынке, в пределах России. Она могла, действительно, вызывать интерес у западных купцов, имевших дела с этим рынком. Но совсем другой характер имело знакомство с нею «Польши и Литвы» (т. е. фактически восточной части Белоруссии и северной части Украины); там копейка занимала очень скромное место в обращении и вызывать какой-нибудь организованный спрос не могла. Для более позднего времени известно, что она «сбрасывалась» оттуда в прибалтийские города, связанные с русским рынком; следовательно, для держателей это было выгоднее, чем использовать ее на месте.

Трудно было всерьез рассчитывать и на то, что в Новгороде, где втайне чеканятся копейки, пусть даже и не уступающие по качеству русским, но все-таки поддельные, сложится такое же прочное «курсовое» соотношение их с талером, как в Москве, где оно опиралось на всю совокупность русской экономической системы. Не так-то просто было бы и сохранять подобное производство в строгой тайне и тем обеспечивать сбываемому товару безупречную репутацию. В лучшем случае пришлось бы идти на основательные уступки в цене купцам, которые рискнули бы везти па Русь эти копейки, а уж у русских купцов, свою монету знавших прекрасно, эти копейки в большой массе должны были бы вызывать сильные сомнения независимо от их качества. Так что ожидавшаяся прибыль представляется довольно проблематичной.

И тем не менее замысел этого предприятия основывался на правильных представлениях о русском денежном деле, портила его лишь излишняя смелость.

Если сравнить закупочную цену талера в России с выходом из него копеек для разных периодов, выявляется определенная закономерность, обусловленная в конечном счете каждый раз лишь действующей монетной стопой. Ж. Маржерет зафиксировал московскую цену талера для последнего пятилетия накануне кризиса, порожденного интервенцией.²² За талер платили 36 коп., а выходило из него на Денежном дворе до 42 коп. Это соотношение типично для 3-рублевой стопы; ту же цену ефимка называет и «Торговая книга» (12 алтын, 12 алтын с денгой), хотя с присутствующей ей осторожностью выход копеек определяет около 40 штук.²³ Можно не сомневаться, что подобное соотношение сложилось вскоре после 1534 г.

Возникновение после 1610 г. стопы в 3.6 руб. не могло не повести к повышению цены талера, выражаемой в копейках, которых теперь выходило из него от 50 до 52. У внешнего рынка было не так много возможностей познакомиться с такими монетами, так как Москва, где эта стопа появилась сперва, вскоре же стала вовсе недоступной для поставщиков; недаром же поляки сразу принялись за монетный металл из кремлевских сокровищниц. Но и чеканившиеся в Новгороде «шведские» копейки делали свое дело. В 1613—1614 гг., когда в Москве уже действовала 4-рублевая стопа, они даже могли быть своего рода «тормозом», замедлявшим установление новой цены.

Король дважды называет в письме существовавшую тогда цену талера — 42 коп. и делает основательный просчет, считая ее стабильной для того времени, когда и в Новгороде уже полгода чеканили по стопе в 4 руб. На деле цена в 42 коп. была лишь одной из ступеней (примерно соответствовавшей уже оставленной стопе в 3.6 руб.) в переходе к стопе 4-рублевой. В Москве последняя существовала уже третий год, и к 1620-м годам цена талера стабилизировалась на уровне 50 коп. и оставалась неизменной в течение нескольких десятилетий.²⁴

Во всяком случае Густав Адольф понимал специфику русского денежного хозяйства лучше тех иностранцев, которые видели в русской цене талеров лишь результат жадности русских, «оби-

²² Сказания современников о Дмитрие Самозванце, т. I. Изд. 3-е, 1859, стр. 275.

²³ И. Г. Спасский. Денежное обращение в Московском государстве... стр. 221—227.

²⁴ Насколько чуткий аппарат стоял за таким регулированием цены, показывает то, что когда после 1649 г. в Москве прекратили очистку серебра талеров и поэтому из одного талера стало выходить по 64 коп., это никакого изменения цены не вызвало. См.: И. Г. Спасский. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. и реформы 1654—1663 гг. Археограф. ежегодник за 1959 г., М., 1960, стр. 107—111.

жающих» иностранных купцов. В таком роде писал и Котошихин, что вполне понятно. Были и более вдумчивые и наблюдательные иностранцы, как Олеарий или Кильбургер; но независимо от оценки рассматриваемого явления все они неизменно говорили о постоянной, надежной выгоде превращения поступавших в страну талеров в копейки и понимали, что именно это пуце каких бы то ни было запретов делало невозможным — по очевидной невыгодности — обращение талеров в России как тогда, когда еще существовало право свободной чеканки, так и после установления монопольного права государства на закупку серебра у иностранцев.²⁵

Разумеется, московское правительство уделяло очень много внимания устойчивости цены на ввозимое монетное серебро в виде талеров, однако никакое регулирование и никакое принуждение не заставило бы иностранцев-поставщиков из года в год доставлять талеры и стараться друг перед другом сбывать свой товар. В обиде, как видно, ни та, ни другая сторона не оставались. Талеры неизменно были для России товаром, по большей части потребляемым на месте, а до введения монополии отчасти и транзитным, перебрасываемым русской торговлей на юго-восток, к кызылбашам, подобно тому как в еще большей мере транзитным товаром были ввозимые с Запада дукаты — для сделок с Ногайской ордой, бухарскими купцами и т. д. Во внутреннем же обращении царил копейка, а талеры, в которых более или менее разбирались закупавшие их для казны купцы да ремесленники-серебреники, для широчайших масс населения оставались совершенно неизвестными, не говоря уже о монете низших достоинств, которую и закупщики знать не хотели.

В какой мере Густаву Адольфу удалось осуществить его план? Ответ несомненно содержится в «Записных книгах денежного двора» за 1616 и 1617 гг.; в труде К. И. Якубова они только упомянуты и никакой характеристики не получили. В настоящее время ознакомление с этим источником никаких трудностей не представляет, так как в ЦГАДА имеется микрофильм.

Помимо ознакомления специалистов с новыми интересными документами, главную задачу этой публикации я вижу, разумеется, не в возможности переубедить моего недоверчивого оппонента — что изменится, если он останется при своем мнении? Но я считаю важным подчеркнуть, что данные ранее неизвестных документов ни в чем существенном не расходятся с выводами, полученными в основном в результате работы над самим монетным материалом. Испытание на точность нумизматика в данном случае выдержало вполне удовлетворительно.

²⁵ В 1670 г. Юрий Крижанич, считавший, что русские вследствие «природного своего неспособия и тупа разума» плохо ведут свое хозяйство, красноречиво убеждал царя Алексея Михайловича отказаться от «плохих» русских денег и разрешить обращение в России западноевропейской монеты по «праведной цене», по никакого успеха не достиг.